Т, ВУЗ
П 29
34

ПИОНЕР

ВТУЗ

35-36

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПИОНЕР

Ответственный редактор Редколлегия

БОЕВОЙ И СТАРЕЙШИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

(Восьмой год издания)

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6/8. Прием авторов от 1 ч. до 4 ч. ежедневно, кроме выходных.

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда" — Сектор „Комсомольской правды"

КАЖДЫЙ ПИОНЕР И ШКОЛЬНИК ЧИТАЕТ СВОЙ ЖУРНАЛ „ПИОНЕР"

Боевой, старейший, общественно-политический, литературно-художественный журнал „ПИОНЕР" вступает в 9-й год издания.

Журнал „ПИОНЕР" рассчитан на пионера и школьника в возрасте 13-16 лет.

„ПИОНЕР" будет выходить в 1932 году три раза в месяц (подекадно).

Журнал будет отражать жизнь пионера-школьника, участие его в социалистической стройке, в колхозном строительстве, борьбу пионера за политехническую школу, его влияние на быт в семье.

Журнал „ПИОНЕР" поведет с читателями путешествия по новостройкам и зарубежным странам.

„ПИОНЕР" будет освещать детское движение зарубежных стран.

В журнале будет уделено большое внимание деткоровскому и художкоровскому материалу. С деткором поведет работу о том, как и что нужно писать, литературный консультант редакции.

Журнал „ПИОНЕР" будет отражать все политические кампании в своей стране и за рубежом.

В журнале „ПИОНЕР" будут странички юмора, досуга, загадок, шахматы и пр.

Редакция журнала „ПИОНЕР" просит деткоров-читателей писать в журнал о том, что еще они хотят иметь на страницах своего журнала.

Ни одного письма, ни одной заметки редакция не оставит без ответа. Пишите. Ждем.

Редакция

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: На год — 4 р. 20 к.,
на 6 м. — 2 р. 10 к.,
на 3 м. — 1 р. 05 к.,
на 1 м. — 35 к.
Отдельн. ном. — 15 к.

Подписка принимается во всех почтовых отделениях, у письмоносцев и пикетчиков „Пионерской правды".

П 29
34

ЗА пять ЛЕТ

Рассказ деткора ЛАВРОВА
Рис. БРЕЯ

Михаил после пяти лет жизни в городе на несколько дней приехал с отцом в свое родное село, где он провел раннее детство и где оставил своих школьных товарищей. Он обещал школе связаться с сельскими школьниками, с пионерами, познакомиться с их жизнью.

Село за пять лет так изменилось, что его трудно было узнать. Сразу, как вышел из вагона, ему бросилось в глаза громадное здание элеватора — раньше его не было.

— Ох ты! — восторженно крикнул Миша.

Отец объяснил, что все соседние села сюда ссыпают хлеб.

Элеватор улыбался своими светлыми стеклами на восторженный взгляд Михаила.

В село шли пешком. Миша тащил сверток книг и журналов, отец — узелок. Итти было легко по гладкой шоссейной дороге.

— Отец, дорога-то шоссейная... А помнишь, когда в город перебирались, лошадь в грязи увязла?

И Михаил радостно потопал ногами, как бы проверяя прочность дороги.

Совсем уже стали подходить к селу, как их догнал знакомый крестьянин. Остановил лошадь, соскочил, обнялся с отцом, потрепал ласково Михаила по плечу.

— В гости, милости просим. Как живешь-то? Где работаешь? — забросал крестьянин вопросами.

Поехали быстрой рысцой и скоро остановились у избы, где жил дядя Михаила.

Почти весь день прошел в разговорах, и только к вечеру Михаил вышел на село — друзей посмотреть и себя показать.

Весть о том, что приехал Михаил с отцом, быстро пронеслась по селу, и ребята уже поджидали своего старого приятеля.

Большой гурьбой двинулись в клуб.

На том месте, где прежде были две кулацких избы и дом попа, красовалось совсем новое здание, оно получилось оттого, что дом попа и две избы соединились застекленными коридорами, покрасились одной краской. Возле дома разросся кустарник, правда, сейчас голый, но все же придававший красивый вид совсем новому зданию.

„Клуб“ — стояло на вывеске.

В клубе было опрятно, на столах лежали газеты, журналы.

Ребята показали Михаилу библиотеку, пожаловались, что книг мало, газеты запаздывают. Показали сцену, где спектакли устраиваются, рассказали о пьесе, которую сами сочинили.

Усевшись в уголок в просторной комнате, ребята говорили о своей школьной и пионерской жизни, рассказывали, как организовывался у них колхоз, как мужики спорили, не хотели в колхоз итти, как раскулачивали кулаков.

— Как на селе организовали комсомол, так дела у нас быстро подвигаться начали: председателя сельсовета сняли, нового посадили. На хлебозаготовки прислали одного, он и председателем остался.

— Все у нас перевернулось сразу на селе, — захлебываясь, рассказывали ребятишки, — отряд пионеров организовали, школу исправили, клуб, кино открыли.

Михаил тоже рассказывал о своей школьной жизни, о том, как они на производстве работают, как вместе с рабочими помогают промфинплан выполнять.

— Мы тоже помогаем колхозу, — перебили ребята.

— У нас трактор есть. Ой, весело как на поле, когда трактор работает! Быстро. Большие пласты земли поднимает, размельчает их...

— И посеет и заборонит, все сам. Силища...

— Мы трактор чинили, чистим его после каждой работы.

— А недавно мы на тракторе корневища выкорчевывали в заречном лесу.

— Да у вас работы непочатый край, — заявил Миша.

— А ты в школу к нам приходи, мастерские покажем, увидишь наших кроликов.

Беседа затянулась до позднего вечера, и когда Михаил пришел домой, то уже все спали.

Долго не мог заснуть, впечатления дня копошились в голове и вереницей будили мысли.

Вспомнил школу. Она была большая, но неуютная, холодная, ребята занимались в шубах. Церковь еще тогда, пять лет тому назад не была закрыта, и часто звон мешал заниматься.

„Что в церкви теперь, я не спросил“...

Вспомнил предпраздничные дни: благовест будоражил сельскую тишину, бабы вереницами шли в церковь, стараясь принарядиться, бранили ребят, неволили их итти в церковь.

Г.П.Б. в Лагр. Ц
О.Э. 1932 г.
Акт № 794

Вспомнил, как перед рождеством, во время церковной службы, ребята организовали хор, оркестр из заслонок, самоварных труб и шли мимо церкви, распевая веселые песни. Михаил тогда еще был мал, и его в организацию этого праздника не приняли, но он бежал за ними вместе со своими товарищами. Из церкви испуганно выскакивали молящиеся, толкаясь, выбегала молодежь и присоединялась к веселой толпе.

—

В школе ребята встретили его шумом многоголосной толпы.

— А, городской гость...

В школе, как и всегда на переменах, суета, возня, беготня. Поражала чистота. Окна блестели, стекла были чистые, ясные, по стенам висели портреты вождей, географические карты, диаграммы.

Сразу разобрали журналы, книги.

Пошли в мастерскую.

— А что вы делаете здесь?

— Клетки для кроликов делали, кормушки для свиней да много еще кое-чего делали.

— Из деревянных икон много добра сделали.

Перебежали двор в бывшую церковь.

— И церковь уже приспособили? Молодцы ребята!

— Там у нас кино, а в подвале мы кроликов держим.

Церковь нельзя было узнать: темноты и хмурости прежней как не бывало; удобные скамейки занимали все помещение, антирелигиозные плакаты висели вместо прежних икон. Только каменные своды напоминали, что здесь была церковь.

— Вот куда шагнули!— вырвалось у него.

— А что было у нас, когда церковь закрывали! Старухи выли, просили их живьем в землю закопать.

— Мой папанька слушал, слушал, как бабка выла, схватил лопату и закричал: „Ну, айда, я тебя зарою!“

— Ну и что же?

— Ну и перестала выть, замолкла.

В подвал вела винтовая лестница.

— Я здесь никогда не был.

— Сюда раньше никого и не пускали.

— Здесь вина сколько нашли!

— Говорят, что поп здесь оружие держал.

— Правда, правда! Нашли здесь ружье! Поп говорил, что это кулака Митрия, а Митрий на попа показывал.

— Ребята, звонок, звонок! Не опаздывайте, а то на черную доску попадете,— раздался голос в отверстие лестницы и эхом пронесся по подвальному помещению.

— Степка, показывай Мишке кроликов; мы учителю скажем, что ты с гостем занялся.

В просторных клетках сидели кроличьи семейства. Все, как один, были пушистые, серые. Объяснив, как открываются клетки для кормежки, как чистятся клетки, Степа потащил Михаила из подвала, по дороге рассказывая о прибыльности кроличьего хозяйства.

— Я пойду заниматься, а ты походи по селу, колхозное хозяйство посмотри, у нас коровы обобщены, на свинарник пройдись, трактор погляди, а мы вечером за тобой зайдем.

Товарищи расстались.

Был легкий морозец. Под ногами приятно поскрипывал снег, и Миша зашагал по родному селу, такому новому, неузнаваемому.

„Что старого осталось за пять лет? Земля, и та новая стала. Вот улица оделась в камень, не увязают в грязи деревенские телеги, не ломаются колеса, а на поле — тоже другая земля: взрыхленная могучим трактором. Все новое, все, все...“

Вдруг протяжно загудел фабричный гудок.

„Что это?“— Остановился, прислушался.

Гудок выл, извещая рабочих, что двери мастерских открыты для обеденного перерыва.

Миша быстро зашагал к бугру, из-за которого слышался гудок. Взобравшись на глинистый бугор, он увидел, что в овраге приютился небольшой кирпичный заводик.

И опять вспомнил Миша: глинистый овраг со старых времен считался нечистым оврагом, ходить туда боялись не только дети, но и взрослые; „чортов овраг“—так и называли его. Говорили, что много несчастий принес он людям, кто в него спустится — не вернется больше.

Страшные сказки о нем Мише бабка рассказывала. Слушает, бывало, Миша, а сам повернуться боится — страшно.

Бабы, крестясь, шли мимо, далеко объезжали его мужики в ночную пору.

Два страшных места было в селе: овраг да еще мельница.

Мельница давно была заброшена, мало кто из ребят помнил, когда она работала, а стояла до сих пор, не растащили ее крестьяне на топливо и хозяйские нужды, боялись подойти к ней — нечистая сила жила в мельнице и тоже, как „чортов овраг“, пугала народ.

Гудел, ревел, хохотал кто-то по ночам на мельнице. Ночью редко кто ездил мимо мельницы.

— Вот не верю я, что на мельнице нечистый живет,— говорил Мишкин отец,— а ночью, убей, не поеду мимо нее близко.

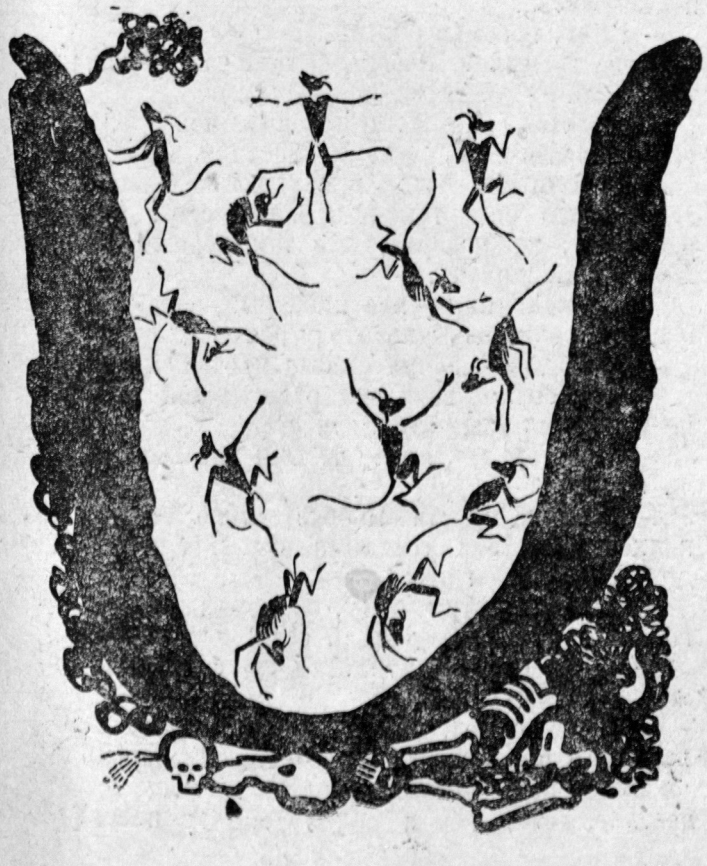
Мельница стояла на маленькой речонке.

Водопад бурлил возле самой мельницы.

Говорят, он был когда-то могучим и сильным, силой своей вращал мельничные колеса, и речка около него никогда не замерзала. И теперь бушует водопад, но уже не с той силой, и теперь не замерзает речка возле мельницы, и ребята катаются на коньках только за несколько сажен от водопада. Все боялись мельницы. Заиграются, бывало, в снежки, катаются на коньках до поздней ночи, обо всех страхах забудут, а оглянутся на чернеющую вдали мельницу, и жутко станет.

— Ой, огоньки зажигаются и гаснут!— фантазирует кто-нибудь из ребят, и всем кажется, что действительно мелькают огоньки.

— Слышишь? Визжит и хохочет леший...



И жутко становится: так ясно слышится хохот, визг, шум.

Разбегались по домам, бросив веселые игры давая зарок больше не ходить на речку.

«Так было давно. А что теперь?»

Миша стоял и смотрел на кирпичный завод, и радостные думы волновали его.

«Вот и „чортов овраг“ переделали, здесь с суеверием покончено. И все так быстро, так незаметно. А наверное сколько борьбы было прежде, чем сооружился завод! Надо расспросить ребят».

Придя домой, Михаил застал отца за разговором с мужиками, пришедшими к нему повидаться.

— Ну, что нового, сынок?

— Ой, так много, что и не расскажешь! От удивления у меня даже глаза и голова заболели.

Все рассмеялись.

— А я скотный двор ходил смотрел и тоже дивился: наша коровенка совсем подыхала, а сейчас такая красивая да гладкая стала, что фу ты, ну ты, даже на меня и взглянуть не захотела,— весело сказал отец.

— Буренка жива? Схожу поглядеть. А я в школе был, „чортов овраг“ видел. Мне кажется, что не в село я приехал, а на какую-нибудь чудесную выставку, хожу и дивуюсь, как могли за пять лет так много хорошего сделать.

— Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается,— перебил его крестьянин.— Эх, малец, сколько мы слез пролили кулака изничтожая, это долгая история, я тебе все, как было, расскажу апосля, а ты пока иди осматривай „выставку“, как ты наш колхоз назвал.

Вечером за Мишей пришли ребята, и все отправились в клуб.

— Ребята, что же вы мне о „чортовом овраге“ ничего не рассказывали? Там завод, а на мельнице что?

Ребята переглянулись и расхохотались.

— На мельнице? Все еще леший живет.

— Все смеется, визжит.

— Ты посмотри кругом. Столбы-то видишь? Электричество в избах видел? В скотных дворах, в свинарниках, в школе — везде электричество.

Михаилу казалось, что или он видит сон или сказку слушает.

— Опять новость. Опять чудо. Вот это чудо! Все его видят. А те чудеса, о которых попы да бабки рассказывают? Вот как вранье открывается.

— Мишка, ты чего шепчешь?

— Он услышал, как леший хохочет.

— Ребята, бежим на мельницу.

— Туда не пустят, мешать работать будем.

— А мы на электростанцию, на прежнюю мельницу, тоже работать со школой ходим. Интересно!

— Мы теперь с лешим в дружбе.

— Огней его не боимся.

Вечер провели в клубе, репетировали пьесу, придуманную самими же ребятами-комсомольцами. В пьесе осмеивали крестьянина, который из суеверия не хотел работать на кирпичном заводе и агитировал среди других, чем срывал промфинплан.

В живой газете показали результаты от организации колхоза: цифрами убедительно доказывали, сколько засевалось земли раньше, до колхоза, и сколько засевается теперь, на сколько поднялась урожайность в сравнении с прежним.

Потом пели, декламировали, показывали физкультурные номера.

Михаилу все очень понравилось.

„Дружно живут ребята. Много о них можно рассказать, написать, когда приеду в город".

Выходили из клуба веселой, шумливой толпой, опять вспоминали, как было раньше, что сделано за последние пять лет.

Село освещалось нарядным электрическим светом. Снег блестел разноцветными огнями, придавая еще более веселый вид.

Миша оглянулся на соседнюю деревню Хомяковку, которая лежала по другую сторону маленькой речушки и утопала во мраке.

— Там глаз выколоть можно,— вслух подумал Миша.

— Где?

— В Хомяковке.

— А мы скоро ее осветим. Проводка давно сделана.

— Хомяковцы не хотят в колхоз итти, от электричества отказались. А мы хотим на рождественский вечер „агитацию" пустить — это электричество — к ним в избы, митинг там устроим...

— Шалят! И их перетащим в колхоз...

Миша еще раз оглянулся на Хомяковку: жуткая темнота.

„А через несколько дней и эту темноту победят. Так, из села в село, из деревни в деревню пробирается победа бурным широким потоком" думал Миша.

На вокзал провожали тоже шумной толпой.

— А ты приезжай за кроликами. Хорошую семейку для твоей школы выберем...

— О физических приборах не забудь для нас похлопотать...

— Книг, побольше книг...

Поезд тронулся. Ребята бежали за поездом, провожая Мишу добрыми пожеланиями.

Долго стоял Миша, прислонившись к окну, и всматривался в бегущие за поездом поля, леса.

„Эх, если бы везде в селах так было! А то ведь много еще темноты, невежества. Ребятам расскажу, не поверят, что так хорошо в селе школьники живут".

„Мы школьники — все пионеры", вспомнил Миша, как гордо звучало это у сельских ребят.

— Молодцы!— вслух сказал и отошел от окна.

— Что, сынок, твоя антирелигиозная агитация не понадобилась?— смеялся отец.

— Чего там агитировать? Они вон как шагнули сами.

— А ты не грусти. Я обязательно найду тебе колхоз, где твоя агитация нужна будет,— продолжал смеяться отец.

Миша не ответил отцу, он думал о веренице годов, которые переделали село.

„Ух, а к концу пятилетки что будет!" восторженно подумал Михаил.

„Ух, что будет, ух, что будет!—"пели колеса вагона, и под их пение Михаил обдумывал, что он будет рассказывать ребятам в отряде о своей поездке, о том, как в селах темноту побеждают

Советский флаг на Янцзы

Очерк Дм. Лебедева **Рис. Чена**

Существует старая китайская легенда о том, как китайский бог — Будда — увлекал народ за собой. Когда люди уставали, Будда создавал перед их глазами „чудо-город" — облако, похожее на сказочные волшебные постройки. Народ устремлялся туда, тогда Будда отгонял облако дальше и дальше, и так привел народ туда, куда ему было нужно. Китайская религия, как и всякая другая религия, ежедневно создает перед верующими такие миражи, чтобы отвлечь его от тяжелого бытия, от борьбы, от сознания его рабской доли. В этом убеждали китайского рабочего и китайского крестьянина. Он страдал и терпел. Терпел тройной гнет: китайского помещика или капиталиста, китайского генерала, иностранного захватчика. Так создалась легенда о необыкновенном терпении китайца, пренебрежительно относящегося к болезням и страданиям.

Но массам надоело терпеть. Когда грянула Октябрьская революция, трудящиеся Китая тоже пошли в бой за землю, за свободный труд, за освобождение от внутренней и чужеземной эксплоатации. Им ответили пулями, массовыми убийствами, новым непосильным гнетом. Нигде террор не был таким бесчеловечным, как в Китае. Средневековые ужасы бледнеют перед разгулом китайских палачей.

Одна английская газета рассказывает, что в деревнях Хуаннанского уезда, в провинции Кубей, палачи расстреливали сразу по 200 крестьян. Был случай, когда крестьяне одной деревни Шиокайского уезда, в Хубее, возмущенные ростом цен на рис, самовольно захватили рисовый склад крупного местного купца и распределили рис между крестьянами. Начальник уезда отправил две сотни солдат и дал им двадцать ведер керосина. В течение нескольких часов пять деревень были разрушены, 150 крестьянских домов сгорели, больше тридцати крестьян были сожжены живьем.

В 1928 г. МОПР подвел итоги белого террора во всем мире: 147 тыс. убитых, 67 тыс. раненых и измученных, 116 тыс. арестованных. Первое место в этом списке занял Китай. По самым неполным данным здесь контрреволюционные генералы перебили 138 413 рабочих и крестьян — целое население большого европейского города!

К террору прибавился голод. Разоренная непрерывными войнами страна не давала урожаев. Поля были потравлены войсками, урожаи ограблены. В Сычуани, на Верхней Янцзы, берега на протяжении многих месяцев были усеяны трупами умерших от голода. Рынок в Луньане, в городке, стоящем на пороге голодной пустыни Гоби, широко торговал детьми: сейчас за мальчика дают 3-4 доллара (6-8 рублей) вместо прежних 10-15, за девочку 5 вместо прежних 20. Кусок хлеба стал дороже человеческой жизни, и родители партиями вывозят на рынок живой товар — сыновей и дочек, которых за бесценок скупают современные рабовладельцы. В Гонконге торговля идет на глазах полиции. Нужда гонит крестьянина из деревни в город. Дороги перекрещены бесчисленными следами босых ног: сколько партий рабов бороздило желтые пески Янцзы, могучей голубой реки? Сколько единиц живого товара не достигло желанной цели, пало под тяжестью изнурительного пути!

В Сычуани, — пишет китайский журналист Самюэль Чан, — имеется более миллиона солдат, находящихся под командой различных враждующих между собой военных групп. Гражданская власть провинции целиком зависит от военщины, которая распоряжается всей экономической жизнью провинции. В этой провинции генералы установили свыше 60 видов налога. Во многих

округах налоги уже взысканы до 1951 г. и дальше. Но этого мало. Кроме военщины, огромным бременем для населения является содержание 350 тыс. воинов — миньтуаней,— вооруженных белогвардейских отрядов, созданных помещиками и купечеством для „защиты от коммунизма". Всего на содержание генеральских армий и миньтуаней сычуанское трудовое население ежегодно выплачивает огромную сумму в 300 млн. долларов — 600 млн. руб. Еще одним важным источником военщины является торговля опиумом, дурманом, которым спаивают народ. Многие генералы являются владельцами не только лавок, торгующих опиумом, но и владельцами опиокурения.

Но вот из этого моря нищеты, рабства, голода, эксплоатации поднимаются вестники освобождения. С берегов океана доносятся громы начинающейся борьбы. Бурлят огнем забастовок, баррикад и восстаний Шанхай, Кантон, Тяньцзин, Сватоу. Поднимаются глухие крестьянские уезды. Растут отряды повстанцев. По голодным звериным тропам пробираются одиночки-партизаны. Леса и горные дебри, пески и ущелья полны партизанами. Сюда пробираются спасшиеся от террора коммунисты. По деревням разносится лозунг:

„Голодные! Все к шеньши и тухао (помещикам) за рисом!"

Пылают помещичьи усадьбы, раскрываются двери заветных амбаров, над деревнями поднимаются рваные красные полотнища и „в этот час,— вещает се-

рая генеральская газета „Гунь-Бау",— многие богачи жалеют о том, что они не родились бедняками". Зато бедняки не имеют оснований жалеть о своем происхождении. Бедняки сами берутся устраивать свою жизнь. Из деревни в деревню, из города в город шагает советская власть, охватывая уезд за уездом. Бродячие советские республики становятся оседлыми, начинают издавать законы. Одним декретом советская власть всюду упразднила ростовщиков. В Хубейской советской республике крестьяне долго не решались верить этому декрету и пытались нести деньги ростовщику. Но за исполнением беспощадного декрета наблюдала вооруженная красная армия, и ростовщик „начинал жалеть о том, что он не родился бедняком".

В Хубее, Хенани, Цзянсу, больших провинциях по течению Янцзы, крестьянские наделы были ниже голодной нормы, в то время как помещичьи имения занимали огромные пространства и зияли пустотами невозделанных полей. Их охраняли межи вековых разделов; их охраняли освященные бумаги многолетних договоров. В средневековом замке сидел тухао — помещик, окруженный вооруженными маньтуанями. Приходила красная армия, сносила стены, делила землю и устраивала костры из земельных документов. В Чанша, в Дайе, в Цзинане, во всех городах, где были изгнаны белые, красная армия мобилизовала буржуазию, для того чтобы сносить городские стены,— памятники рабства, помещиков — для того, чтобы распахивать межи на крестьянских полях. От прошлого не должно остаться никакой памяти!

Отныне в советском Китае нельзя продавать землю. Советская земля становится собственностью будущего советского государства. Совет собирает школьников, учителей, просто грамотных крестьян и создает из них земельные комиссии во главе с избранным крестьянством, членами сельсовета. Здесь учитывается земельный фонд, учитываются хозяйства по едокам, по трудовой мощности, учитывается наемная и не наемная рабочая сила. Потом на делегатском собрании утверждается окончательный раздел.

Землю получили бедняки, середняки, батраки и красноармейцы. Впервые в деревнях Хубея, Хэнани, Цзянси, Гаундуна узнали, что такое профсоюз. Написанный корявой рукой декрет объявлял о восьмичасовом рабочем дне. Это в тех самых местах, где еще недавно 14-часовой рабочий день считался счастьем. В Сычуани генералы взяли налог за 20 лет вперед. В Шанси и Чжили были случаи, когда налоги взимались за сто лет вперед. В Хе-

ханьской советской республике есть только один налог — прогрессивно-подоходный. Он взимается один раз в год. Бедняки вовсе освобождены от него.

„Нужно признать тот факт,— пишет американский военный чиновник Ратай в журнале „Форейн Афферс“,— что коммунизм пустил корни в Китае“.

В Китае было 95% неграмотного населения. В этой стране — чуть ли не единственной во всем мире — „были уезды сплошного невежества“. Теперь даже бешеный „Таймс“ — орган английских твердолобых — с детским изумлением пишет, что на ряду с разделом земли советская власть первым долгом открывает школы. Во всех советских городах открыты школы I и II ступени, в селах — низшие школы, вечерние школы, пункты по ликвидации неграмотности, клубы. Не только молодежь, но и старики по вечерам, отложив в сторону винтовку, принимаются за книгу. В кумирнях — буддистских молельнях — открыты ленинские школы. На месте икон и священных украшений висят винтовки, помещаются полки с большевистскими брошюрами, а Будду, смотрящего в пуп, сменили суровые портреты Маркса и Ленина.

Дети, которых в Сычуани продают по 3 доллара, в красной армии становятся бесстрашными разведчиками, разносчиками большевистской заразы. Они не раз яростно дрались в первых рядах красной армии.

За красной армией идут миллионы. За ней идет все трудовое население.

В Гуандуне в одном из боев красная армия потерпела поражение. Части начали отступать под давлением хорошо вооруженного противника, и белые генералы уже собирались трубить победу:

„Красные разбиты!“

Но законы партизанской борьбы блещут неожиданностями. В долину реки, куда отступали красные войска, ворвались красные партизаны. Плохо вооруженные, неорганизованные, неопытные, они ударили в лоб генеральской армии. Пулеметы могли расстрелять десяток смельчаков, но им не расстрелять массового энтузиазма. Отступление было приостановлено. Позиции красных оказались неприступными. Оскандалившиеся генералы нажали из последних сил. Напор был так велик, а технический перевес белых настолько значителен, что красные отряды дрогнули.

— Поражение?

Ничего подобного! В разгар боя белые войска неожиданно покатились назад. Они были разбиты женщинами. Крестьянки соседних деревень с красными знаменами вышли на помощь красной армии. Их появление в генеральском тылу решило исход боя.

В тылу красных всегда готовы людские пополнения. В Цзянси был такой случай. Нанкинцы двинули батальоны против одного из советских районов. Батальон шел по деревням, сожженным в дни генеральских походов. Батальон видел, как живут крестьяне в районах красной армии, где нет помещиков, нет эксплоатации, нет сумасшедших налогов. Генеральские армии — те же крестьяне, только одетые в солдатскую форму. Вооруженные крестьяне увидели, что несет им советская власть и что несут генералы. Это была лучшая агитация. Нанкинцы писали о пропаганде коммунистов, но это ерунда. В батальоне не было никаких коммунистов. Ре-

шили все факты. В тот же день два батальонных офицера были уничтожены, и белый батальон объявил себя красным. Задержка была только за коммунистом. Четыре месяца батальон искал коммуниста, который бы взял на себя руководство. Наконец коммунист был найден, и батальон под его командованием пробил себе путь в одну из советских республик.

Массы угнетенного Китая сами ищут красную армию. Ее 150 тыс. солдат — это только основное ядро революционного Китая. Вокруг этой стопятидесятитысячной армии группируются миллионные людские массы нищего, рабского Китая, всегда готовые притти на помощь красным войскам. Вождь одной из красных армий,— Чу Дэ, начал операции с 300 партизанами, сейчас в его армии не меньше 20 тыс. вооруженных бойцов. Тридцатитысячный корпус Хо Луна вырос из маленького отряда, в котором было несколько сот почти невооруженных партизан.

Четыре года назад дивизия Е Тина и Хо Луна, первая начавшая борьбу за советский Китай, вышла из боев с тысячей почти невооруженных солдат. Сейчас в красной армии 22 корпуса и больше 150 тыс. вооруженных красноармейцев. На деле их еще больше,— мы только не имеем точных сведений.

Четыре года назад советский Китай, понесший поражение в решающем бою в Хайлуфыне, гнездился в непроходимых горных ущельях Цзянси. Сейчас советские республики занимают большую часть территории провинции Цзянси, значительную часть территории Хэнани, Аньхуэя, Хубея, Фуцзяни и Гуандуня. Наконец крупные советские очаги существуют в провинции Гуаньси, Шаньси, Сычуани. Красные части не раз стояли у ворот крупнейших центров Ханькоу, Чанша, Наньчана и даже Шанхая.

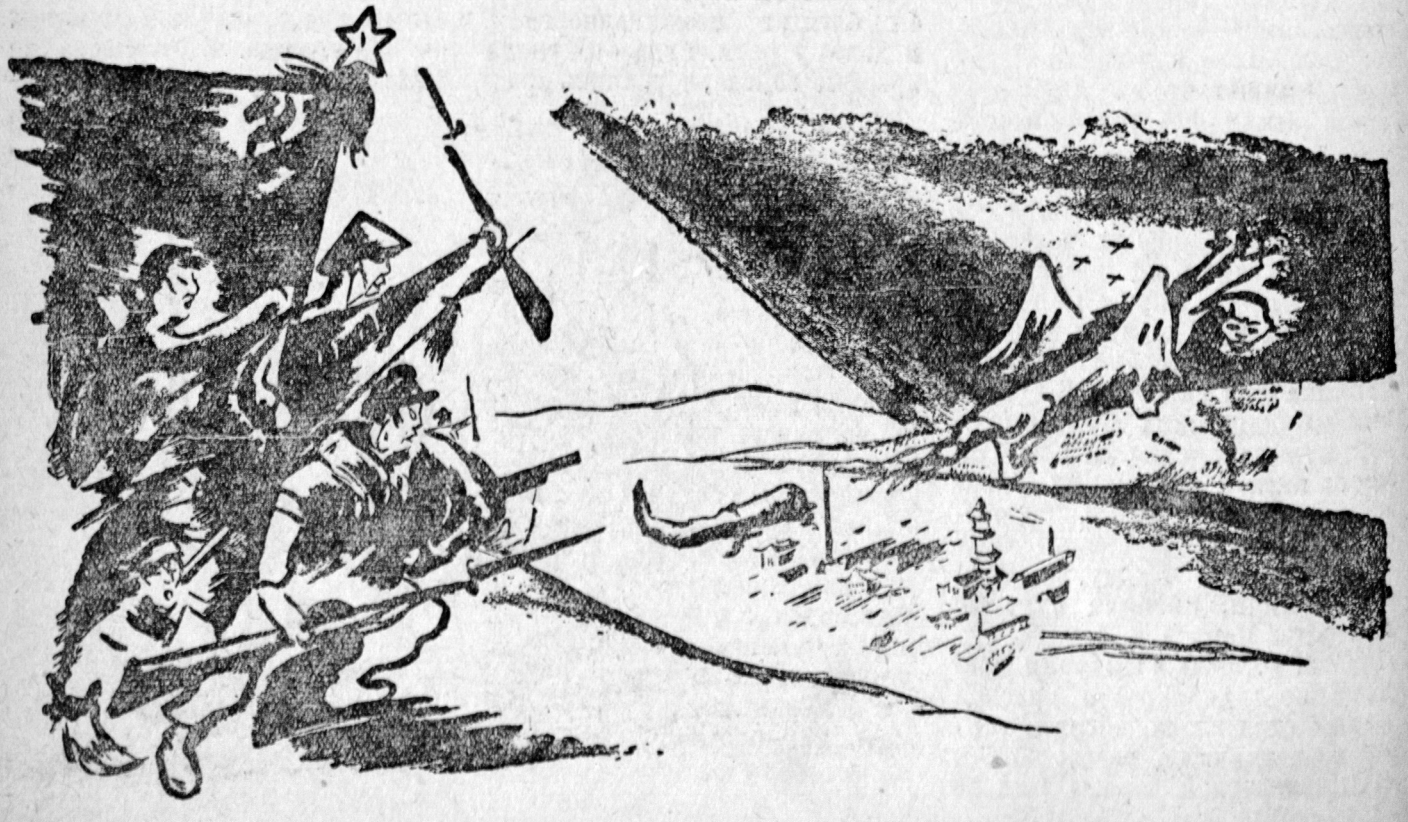
Если даже не считать мелких районов на окраинах с развитым партизанским движением, советская власть сейчас охватывает шестую часть территории Китая с населением больше ста миллионов. Это больше любой европейской страны и даже многих стран вместе взятых: вдвое больше Германии, втрое больше Италии, вчетверо больше Польши, в двадцать раз больше Швеции.

Несомненно, что если бы гоминдан, партия китайской буржуазии, был предоставлен сам себе, то красные армии много быстрее справились бы с ним и с его армиями. Но на пути красных армий стоит вся мощь империалистической техники. Только в одном 1930 г. империалисты 204 раза обстреливали красную армию и советские территории. Германские фашисты послали Чан Кай-ши 70 военных советников — штабистов. Американское правительство Гувера предоставило Нанкину более 100 млн. долларов для борьбы против советов. Но никакие империалисты не могут сломить советский Китай.

„У этих красных,— заявляет некий американский наблюдатель, Реджинальд Свитленд,— есть головы на плечах".

Мы тоже так думаем. Лучший показатель этого — разгром последней экспедиции Чан Кай-Ши, разгром, который, даже по признанию нанкинского штаба, дал 22 тыс. убитых. Змея контрреволюции, которой обрубили хвост, стремительно уползла назад. Советский Китай стойко держит свои границы.

Советский флаг прочно держится на берегах Янцзы. Скоро он поднимется над всем четырехсотмиллионным Китаем.



ДАЙ КАЧЕСТВО!

Фотомонтаж В. Мясина

Светел и чист
школьный класс.
Ряд
парт
прям,
Уперлись пары
ребячьих глаз
В десятки диаграмм.
Науки хитрость
мозг грызет.
Дрожит
упрямство знаний.
Мы изучаем
хлор,
азот,
Чертим
схемы,
планы.
Давай на учебу
сильнее
нажмем!
Лень
выметем
начисто!
По всем предметам
подняться должно
Нашей
учебы
качество!
Наполнил
воздух
станочный лязг,
Застрял
в ушах
у всех.

Здесь тоже
светлый
школьный
класс —
Слесарный школьный
цех.
Железо
я зажал
в тисках,
Мой мускул
полон
силы.
Сегодня
учимся
мы, как
В руках
держать
зубило.
В цехе ль
железо
стрячивая,
В классе ли
дроби
дробя,
Борьба
за высокое
качество —
Дело
самих
ребят.

Деткор Сергей Исаев (Москва)

КОЛЫБЕЛЬ ГОРОДОВ

Очерк Л. КАССИЛЯ

На-днях, гуляя по Москве, я попал в замечательный дом. На третьем этаже этого дома в каждой комнате было по городу. В некоторых комнатах было даже по два города сразу. На дверях по всему коридору висели названия, как на железнодорожных станциях: Сталинград, Новосибирск, Вольск, Дзержинск. Коридор напоминал географическую карту. Слева и справа мелькали Сталинабад, Ходжант. Я заглянул в одну замочную скважину; сквозь узкую дырочку, вырезанную словно по крохотной подошве, я увидел окрестность города Ижевска. Я заглянул в другую дверь. Чудесный вид города Сухума на Черном море открылся передо мной. По одной из улиц ползал человек. Его лицо показалось мне знакомым. Я решился, открыл дверь и вошел в город...

— Пожалуйте, пожалуйте,— весело сказал человек, выползая из города Сухума.

Человек оказался знакомым инженером-архитектором т. Зубиным. А Сухум оказался картонным. Это была огромная, вылепленная, склеенная и искусно раскрашенная модель города — макет. Он занимал весь угол большой комнаты.

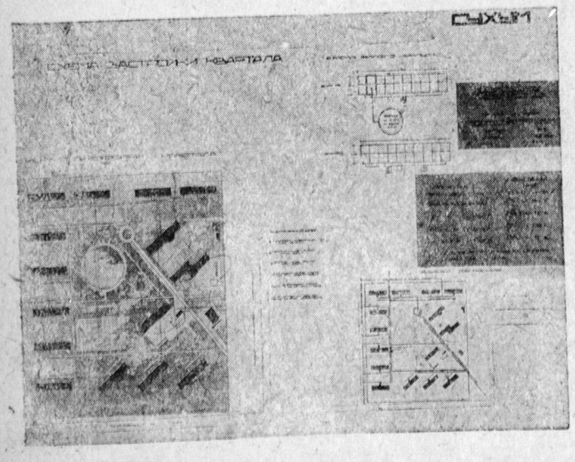
Этим летом я был в Сухуме. Поэтому я сразу заметил, что макет кое-где не соответствует действительности, неверно изображает город. В одном месте были лишние здания, в другом, наоборот, нехватало целого квартала.

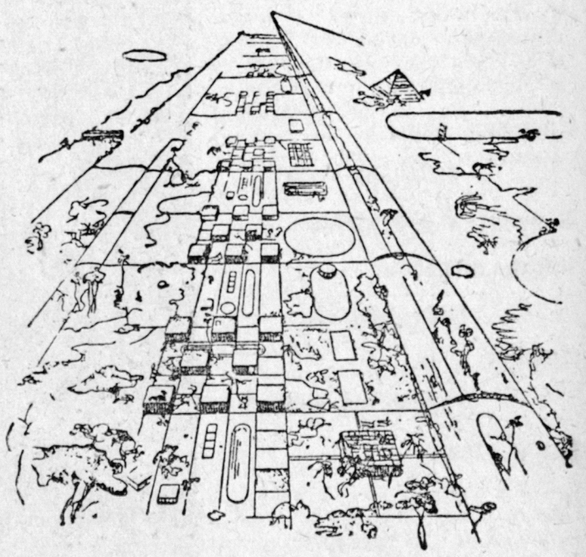
— Э-э, товарищ Зубин,— сказал я,— нафантазировали вы тут... Настоящий Сухум не такой. Этой вот улицы там нет.

— Так это же мы разработали будущий Сухум,— сказал Зубин,— надо же знать, что такое Гипрогор.

Да, ребята, надо знать, что такое Гипрогор.

Гипрогор — слово отнюдь не греческое а совершенно русское, советское. Гипрогор — Государственный институт проектировки городов и населенных мест, Ги-про-гор.





Старые учебники истории сообщали скудные сведения о том, как росли и зарождались города. Они приводили большею частью всякие небылицы, легенды и царские остроты при закладке города. Зато старая история человечества кишит описанием кончин городов. Гибель Помпеи, разрушение Вавилона, бомбардировка Реймса — это описывалось со смаком и сознанием дела... А города старые росли вкось и вкривь, нескладные, корявые, каждый хозяин строил, как хотел и где ему было удобно. Город заходил в кривоколенные тупики. И вырастал он глухой и путанный, как бурьян. Только в СССР, в стране, где все охватывает единый научный социалистический расчет, только в СССР рождение и перестройка городов подчинены строгому революционному плану.

В Гипрогоре решаются судьбы городов, фабричных поселков и столиц. Отсюда выйдут все новые улицы СССР, бульвары новых городов, социалистические кварталы и скверы. Гипрогор — всесоюзный рассадник социалистических гражданских сооружений. Здесь в чертежных, как в оранжереях, выращиваются новые улицы. Горсоветы пересадят их на землю своих городов. Гипрогор питомник будущих городов и исправленное заведение для старых. Здесь не только зарождаются новые города, здесь распрямляются улицы старых поселений, сливаются разбросанные кварталы. Здесь прозревают слепые тупики старых российских городов, раздаются вширь площади и города, „причесываются“ на аккуратные проборы. И разве не замечательно, что в Москве, на улице Ильинке, люди болеют душой за тесноту перекрестков Московской и Вольской улиц в Саратове? Где, когда, в какой еще стране это было возможно?

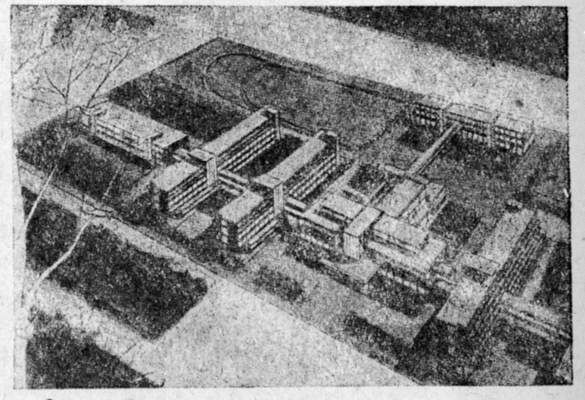
Зубин показал мне план будущего Сухума. Я увидел город, каким он будет через полтора-два года. План давал Сухуму новый отличный порт с удобной гаванью. Кварталы были выпрямлены и укрупнены. Курорты, аэродромы, новые автобусные линии, общественные здания — замечательным городом будет скоро настоящий, некартонный Сухум, столица советской Абхазии.

Много времени понадобилось, „гипрогорцам“, чтоб выполнить задание правительства и Сухумского горсовета. Надо было согласовать проект с общим планом пятилетки. Сговориться с Наркомздравом, Наркомводом, Госпланом. Надо было изучить местность, окрестность, каждый уголок города, знать его карту. Надо было подсчитать, где идут ветры с гор и где сильное движение на улицах. Кроме этого надо было обсудить вопрос о будущем Сухуме вместе с трудящимися сухумцами. Каждый житель Сухума мог стать участником в составлении проекта нового города. Мы сами строим и продумываем свои города. Каждое окошко в городе хочет выходить на новую улицу.

Сейчас проект нового Сухума готов. Сейчас на столах Гипрогора планируются отдельные кварталы. Они будут строиться по-новому. Дома в них будут стоять по диагонали наискось. Это делается для того, чтобы горные и морские ветры подметали и проветривали улицы.

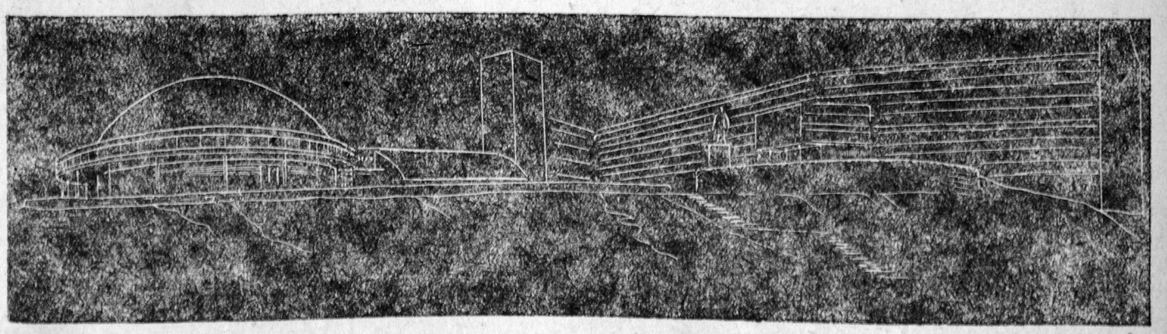
Рядом с Сухумом в Гипрогоре выращивают новый город Ижевск. По плану каждый район города получит свои школы, театры, клубы, фабрики-кухни, детские сады, бани, стадионы, больницы, универсальные магазины, столовые. Красные линии на проекте указывают, где будут ходить автобусы и трамваи. Синие линии — линии воды: водопровод, канализация, речки. Зеленые пятна и полоски — сады, бульвары, парк культуры и отдыха. Так переделываются города. По всему Союзу города омолаживаются.

Читатели „Пионера“, должно быть, помнят захолустный город Покровск, бывшую слободу Покровскую, где происходит действие повестей „Кондуит“ и „Швамбрания“, печатавшихся в „Пионере“. Пыльный, грязный городишко. Скука, болота, ни кустика...



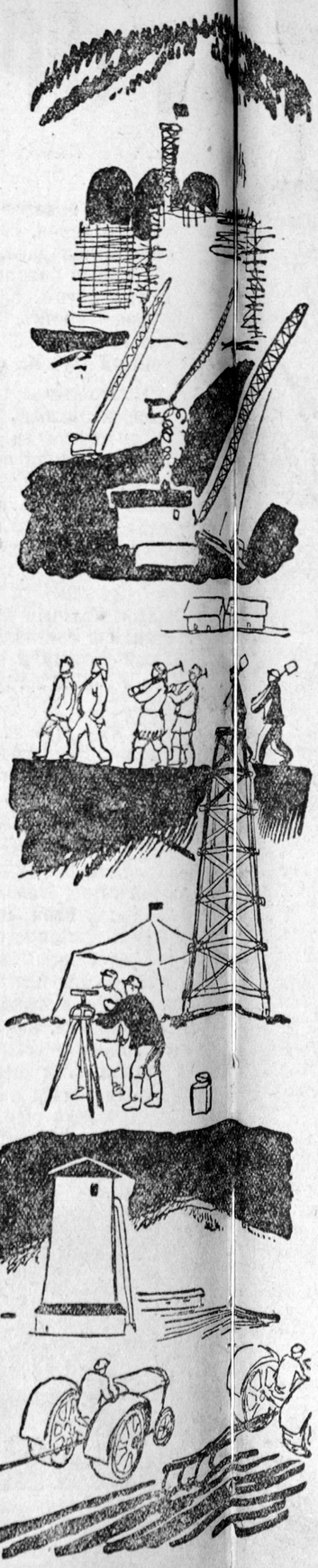
Я был недавно в Покровске. Он называется теперь: город Энгельс — столица республики немцев Поволжья. В Покровске открывается уже третий вуз, строится огромный театр, аэродром, три разросшихся садика скоро будут соединены в гигантский Парк культуры и отдыха, с летним театром, рестораном и бассейном для плавания. Парк шагнет через всю центральную часть города. Улицы пройдут под садами, висящими на бетонных колоннадах. Так кончается Покровск. Так растут советские города, города широких улиц и зеленых площадей, города социалистического порядка.

Гипрогор — колыбель наших новых городов. Отсюда, из дома на Ильинке в Москве, выходят просторные, стройно распланированные магистрали городов. По этим магистралям пройдет новый человек. Потому-то, перестраивая жизнь, мы переделываем и самого человека.



УРАЛ

Морозный, кряжистый,
Угрюмый Урал,
Дикий север
И темп пятилетки;
Жужжанье моторов
И лязг топора,
И в снеге
Еловые ветки.
Бурливые реки —
пути для каналов —
Тобол, Кама,
Тавда и Тура.
Времен пора
Старость угнала,
Теплоходами вспенится
новый Урал.
И грохотом фабрик
веселое эхо
Гудками пробьется
в уральскую глушь;
Раскатистой трелью,
разливчатым смехом
Взбудоражат „кукушки“
вечернюю мглу.
Осыпался иней
морозным узором,
И, хвоей шурша,
загрохочет сосна;
И гулко промчится
к рокочущим борам
Бурной жизни
наша весна.
И впишут победные,
гордые строки
Герои построек
„Магнитной горы“.
Урал изрешетят
„рудничные штреки“
Ускоренным темпом
электробуры.
Я вижу Урал
в переплете каркасов,
Шуршанье трансмиссий
и скрежете кранов,
Стучанье моторных
колхозных баркасов,
В боях залеченные
темпами раны.
А там, где башкир
прогарцует с кургана,
Топча седоусый
и нежный ковыль,



ПЯТИЛЕТОК

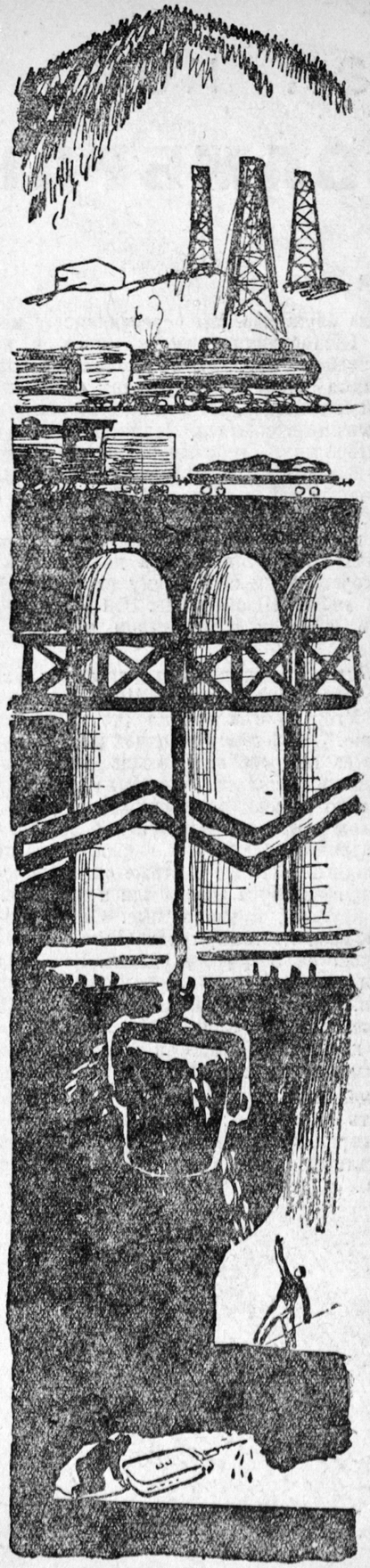
Рис. В. Константинова

Лемехи вгрызутся
Под рокот „фордзона“
В целинную землю,
В цветочную пыль.
И вышками плюнет
река Чусовая;
Гремя буферами,
промчится состав;
Нефть заклокочет,
фонтаны вскидая,
И карской флотилии
гул в ледоставах.
Электропульс
дрожащих турбин
Прорезали плотины
речные, разливы,
И стройка
в низовьях Оби.
И в вагонетки
с породой гранит
Экскаватор железной
бросает лапой,
И взрыв динамита
в ущельях гремит,
И хлопает газом
выводной клапан.
Бригады ударные,
стройки герои,
Держащие темп
героических дней,
Герои Кузнецка,
Магнитостроя,
Нам „старость“ мешает
гнилушками пней!
И с каждым размахом,
ударным ударом
Врастают каркасы
в плесень веков.
И стройкой ударной
покончим со старым,
Весенней песней
ударных гудков.

* * *

Магнитострой, Тракторострой,
Карабаш,
Березники, Кузбасс
и Тагил —
Это путь
героический наш,
Это смотр и проверка сил.

В. Галкин



Как кончилась ШВАМБРАНИЯ

Л. Кассиль

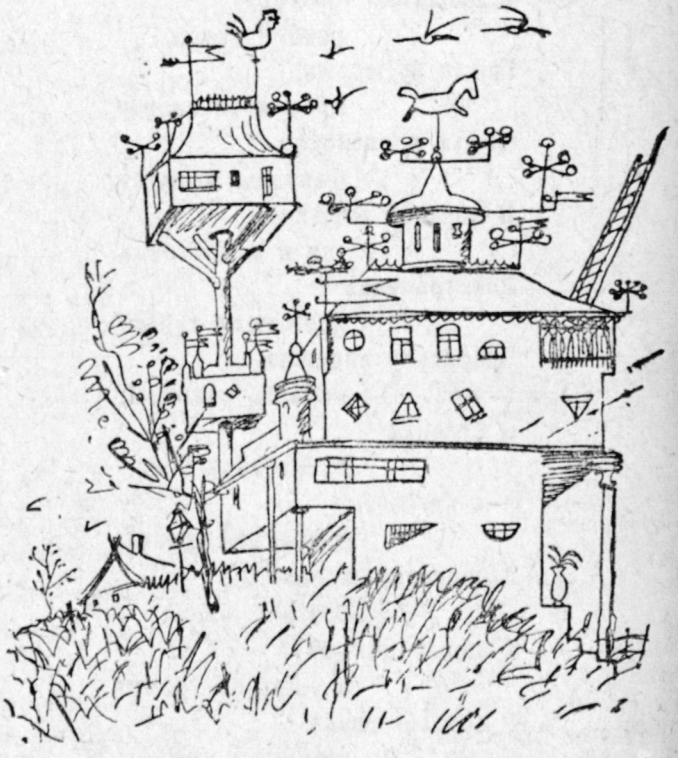
Рис. Каневского

Дворец Угоря

Школа блуждала. Мы переселялись с места на место. Швамбрания тоже кочевала в поисках устойчивой истины. Нас утомили бесплодные блуждания выдуманной страны. Нам надоели ошибки ее жителей. Не нужно было выдумывать приключения и события. Подлинные, невыдуманные исторические события потрясали настоящий, невыдуманный мир. Отцы уходили на фронт. Хотелось участвовать в Большой Революции. Глупо, стыдно, скучно было оставаться на материке Большого Зуба. Великий упадок наступил там. Но случайные обстоятельства дали толчок к новому, короткому и последнему расцвету обреченной на гибель Швамбрании. Эти обстоятельства жили в большом заброшенном доме на нашей улице.

Дом был выстроен когда-то слегка свихнувшимся немцем-богачом по фамилии Угер. Улица произносила Угорь. Богач принял это укоренившееся прозвище. Дом Угоря был одной из достопримечательностей Покровска. Приезжих возили к нему. Приезжие удивлялись. Это было действительно совершенно диковинное сооружение. Дом Угоря был похож сразу на старинный боярский терем, на ярмарочный балаган и на висячие сады царицы Семирамиды... В каждом этаже окна были непохожи друг на друга. Окна были и длинные, и узкие, и круглые, и квадратные. Сбоку шли галлереи из разноцветных стекол. С этой стороны дом был похож на лоскутное одеяло. Весь фронтаж дома был расписан живописцами. Внизу шалили русалки. На втором этаже плыли корабли. Разнообразные генералы были нарисованы на третьем. А под крышей охотники в альпийских шляпах с перьями стреляли в тигров и львов.

При малейшем дуновении ветерка дом начинал жужжать и звенеть: то мотались на башнях 22 флюгерка, крутились 15 железных вертушек и вращались, гремя в окнах, 8 огромных вентиляторов...



Теперь пустой, заброшенный дом истлевал, он разваливался, как Швамбрания. Отмирали косяки, перила, иногда целые галлереи. Отмирали и рушились. Когда пурга убыстряла разрушение, осторожно приближались соседи. Они тянули за собой порожние салазки. Соседи располагались вокруг дома и ждали. Они сидели, как гиены вокруг издыхающего льва. Отпавшие куски дома они растаскивали по своим дворам. Но открыто напасть на дом и разворотить это уже никому ненужное сооружение они не решались. Соседи еще уважали недвижимую собственность.

Приключения в мертвом доме

В своих блужданиях швамбраны наткнулись на этот дряхлый дом. Нас не смутило, что все внутри было загажено. Мы переселили в эти развалины свою, тоже развалившуюся Швамбранию. Исследовав дом, мы предприняли рискованный спуск в подземелье. Мы захватили длинные палки и висячую лампадку вместо фонаря. Затем мы, следуя лучшим советам книжек, опоясали себя веревкой и соединили ею наши пояса. Теперь мы походили на заправских исследователей пещер.

Мы спускались в подземелье. Ступени лестницы давно выпали. Мы скользили по упавшим доскам, карабкались по грязным кирпичам. Я полз впереди. Качалась лампадка, привешенная на конце выставленной впереди палки. За мной лез братишка Оська. Оська был храбр и стоек. В дока-

зательство этого он каждую минуту говорил, что ему совсем нестрашно, а, наоборот, даже очень, очень уютно. Когда ему шестой раз стало уютно, он провалился. Гнилая доска осела под ним, и Оська упал в подвал. Так как мы были привязаны друг к другу, то сила его падения потащила меня к самому провалу и прижала к доскам. Веревка оставалась натянутой. Она давила, затягивала, резала мне пояс.

— Оська! Ты упал? — крикнул я испуганно в черную дырку.

— Нет еще, — отвечал невидимый Оська. — Я лечу, лечу и все никак до дна не могу упасть.

Я зажег потухшую при катастрофе лампадку и спустил ее в этот бездонный провал... Я увидел Оську. Он висел между небом и землей, привязанный веревкой к поясу. Оська медленно вращался. Он барахтался и извивался, силясь достать до пола.

— Вынь меня отсюда! — попросил Оська. — Тут так неуютно... И веревка туга очень...

Я, напрягая все силы, стал вытаскивать братишку. Но вдруг что-то нехорошо затрещало: доски, на которых я лежал, обломились. Я полетел в тьму и упал на Оську.

— Теперь упал, — удовлетворенно сказал Оська, — на самое дно, и не туго.

Мрак в пещере или „элексир Швамбрания"

Лампадка разбилась. Плотная, прокисшая тьма лежала на дне подвала. Только сверху, через пролом, сочился слабый свет. Приглядевшись к мраку, мы заметили затонувшие в нем непонятные предметы: какой-то железный ящик на ножках, стеклянные и металлические сосуды, трубки, причудливые, изогнутые.

Внезапный свет бросился на пол между нами. Испуганные, мы увидели двух подозрительных обитателей подвала. Мы бросились было бежать, но веревка, связывавшая нас, натянулась, и мы шлепнулись на пол.

— Садитесь, юные пришельцы, — раздался чей-то знакомый голос. — Привет вам от старого ученого отшельника. Что привело вас в мою пещеру, о троглодиты?

В свете фонаря блеснула огромная знакомая лысина бывшего учителя „Э-мю-э", лысина Кирикова, человека-поганки.

— Садитесь! — сказал нам Кириков. — Я узнал вас. Ты — один из стада диких. Оба вы — сыны великой и славной страны Швабрании.

— Швамбрании! — поправил Оська. — А откуда вы знаете?

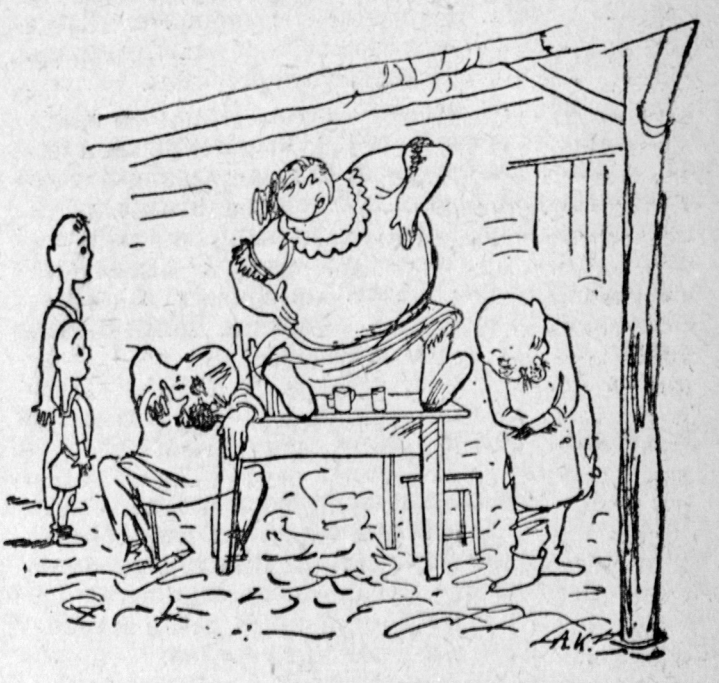
— Я все знаю, — ответил Кириков. — Я обитаю в сокровенных недрах страны вашей. И много раз слышал, как вы рассуждали наверху о своей Швабромании.

— Швамбрании, — строго сказал Оська. — А чего вы тут делаете? И зачем эти штуки тут поставлены?

Последовало молчание.

— О, швамбране! — сказал страшным голосом Кириков. — Вы неосторожно прикоснулись к тайне моей утлой жизни, к ране моей души.

— Вы разве душевнобольной? — спросил Оська. — Вы из сумасшедшего домика?



— Я чист душой и ясен разумом, — сказал Кириков, — но я несправедливо обойден людьми. Но я страдаю за благо человечества. Клянитесь, что вы не разгласите моей тайны. И я сохраню вашу, вашу тайну, тайну... Швамбургии.

— Швамбрании! — опять поправил Оська. И мы поклялись.

— Так слушайте же, братья швамбране! — воскликнул Кириков. — Я последний алхимик на земле. Я открыл „Эме" — элексир мировой радости. Он делает всех больных здоровыми, всех грустных весельчаками. Он делает врагов друзьями и всех чужих знакомыми. И если вы будете молчать до окончательных опытов „Эме", я назову свой элексир мировой радостью — „элексир Швамбардия".

— Не Швамбардия, а Швамбрания, — рассердился наконец Оська. — Выговорить не можете, а еще алфизик...

— Не алфизик, а алхимик, — так же сердито сказал Кириков.

С этого дня мы стали постоянными гостями в лаборатории алхимика. Однажды мы застали алхимика и его помощника необычайно веселыми. Они тихо пели песни. А на столе топталась какая-то толстая баба в расписных чесанках и цветной шали.

— Видишь, какая она счастливая? — сказал алхимик. — Она попробовала элексир мировой радости. Это Аграфена, то, бишь, Агриппина, царица швамбранская.

— У нас царицев нет! — мрачно сказал Оська.

— Правда, — объяснил я, — мы бы с удовольствием, но ведь Швамбрания — республика. Вот женой президента — пожалуйста.

— Хорошо, — сказал алхимик. — Пусть будет женой президента. Аграфена, хочешь быть женой швамбранского президента?

— Даешь, — согласилась Агриппина.

Тут я взял со стола стакан с „элексиром Швамбрания". Мерзкая вонь сивухи ударила мне в нос. Да ведь это же... Ужасная догадка!.. Это... это самогон!

Хе-хе!.. Конечно самогон, — сказал пьяный алхимик. — Чистый изюминный „Эме", собственной гонки... „Эме"... „Элексир Швамбрия"... Ваша Швамбрия тоже самогон своего рода... Кустарная фантазия, мечта собственной перегонки...

Не дослушав, мы выбежали. Итак, мы были друзьями контрреволюционера-самогонщика. А наша Швамбрания совсем не страна вулканического происхождения, просто кустарная фантазия, мечта собственной перегонки. Не элексир мировой радости, а яд, отравляющий мозг и мешающий видеть настоящую жизнь. Он сбивает с дороги, уводит в мир невиданных призраков. Долой Швамбранию! Ей нет места на глобусе!

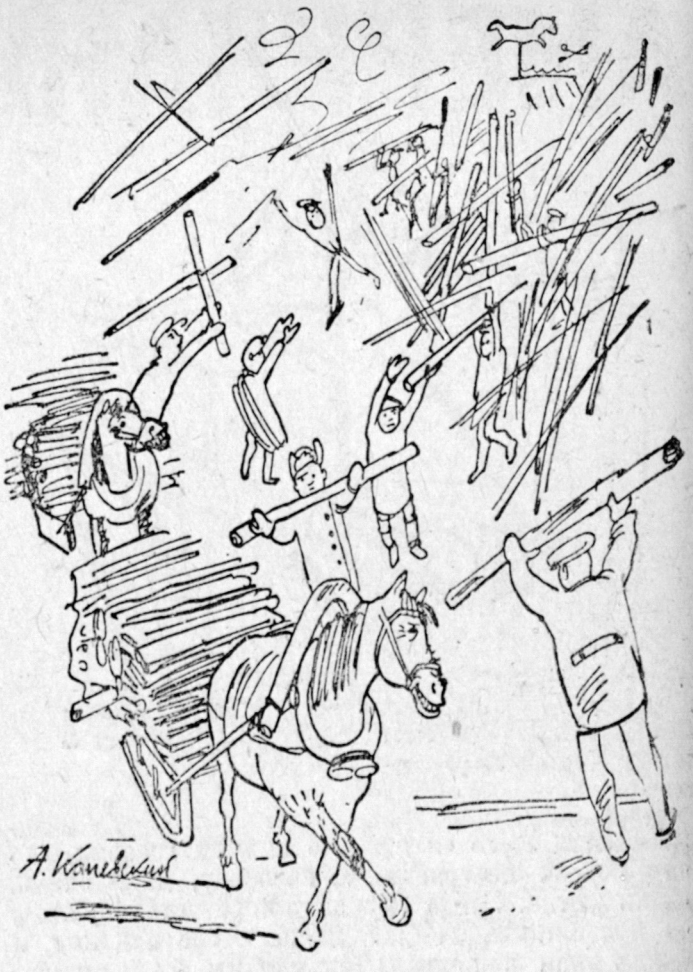
На твердой земле

В школе происходило экстренное собрание всех учащихся. Школа осталась без дров. Отдел образования не смог достать топлива. Школу надо было закрывать. Комиссар Чубарьков мрачно шагал по классу. Вдруг мне в голову пришла такая ослепительная мысль, что я даже зажмурился.

— Товарищи! Ребята! Предлагаю разобрать на дрова Швамбранию! — закричал я, и все посмотрели на меня, ничего не понимая. — Дом Угоря знаете? — продолжал я. — Там досок, бревен полно внутри. Давайте субботник сделаем и запасемся топливом. Чорт с ней, с Швамбранией... Революция!.. Для своих не жалко!

Сначала все молчали. Потом кто-то захлопал. Через минуту все кричали, скакали, аплодировали. Три раза приближался ко мне потолок. Меня качали. Комиссар кричал: „Ша! Хватит! Точка!" Потом, встав на ноги, я шепнул ему о самогонщиках. Комиссар опять сказал „ша", что-то черкнул в блокноте и быстро вышел.

Швамбрания рушилась. Субботник подходил к концу. Отъезжали груженные сани. Я стоял в цепи и передавал доски, которые получал справа. Доски у меня в руках перевоплощались: справа я получал их еще как куски Швамбрании, налево я передавал их уже как дрова для школы. Швамбрания шла на сожжение. Обломки ее валялись вокруг меня.



— Все швамбраны, — сказал неожиданно Оська, — погибли, как гоголь-моголь.

— Не как гоголь-моголь, — засмеялся учитель Карлыч, — а как Гог и Магог... Были когда-то и погибли, по преданию, такие народы...

Я стоял среди этих воображаемых трупов. Я стоял, как полководец на поле брани.

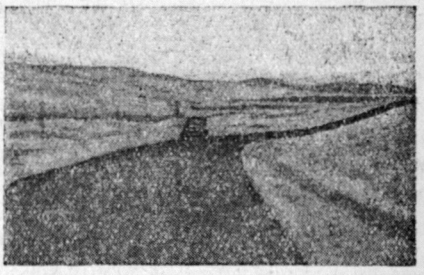
— Товарищи! — сказал я волнуясь. — Слушайте я стихи сочинил:

Стою на поле брани я...
Разрушена Швамбрания...
С ней погиб имен набор:
Джек, Пафнутий, Бренабор,
Арделар, Уродонал,
Сатанатан-адмирал,
Мухомор-Поган-паша.
Точка и ша!
Каких имен собрание!..
Прощай, прощай, Швамбрания!..
За работу пора нам,
Не зевать по сторонам.
Сказка — прах, сказка — пыль!
Лучше сказки — будет быль!
Жизнь взаправду хороша...
А все подхватили:
„Точка и ша!"

Конец

АМЕРИКАНЦЫ ГОВОРЯТ

Перевозка хлопка по бездорожью в Туркмекистане.



Но и среди пустынь прокладываются шоссейные дороги.

„Мы в штатах ездим на автомобилях, а в СССР, мы знаем, вы ездите на автодорах".

Это верно.

Автомобилей у нас очень мало. Дорог у нас тоже почти нет.

Но — и это американцы не знают — мало у нас пока этих самых автодоров. А еще меньше автодоров детских.

Всего сорок тысяч юных друзей Автодора.

Для нашей огромной страны, для нашей огромной пионерской организации сорок тысяч — это совсем немного.

Однако эти сорок тысяч человек выделили делегатов на первый всесоюзный слет юных друзей Автодора

Двести пятьдесят человек собрались со всех концов Союза в зал клуба КОР, что на Калančевской площади в Москве.

Двести пятьдесят человек со всех концов Союза. Это значит, что часть из них ехала на верблюдах, часть в санях, часть в поездах. Но всем им — и чувашам, и узбекам, и русским и украинцам, и грузинам, и татарам — всем им хотелось одного: узнать мотор, сесть за руль. Автомобиль и автомобильная дорога — вот что связало этих незнакомых, часто даже не понимающих друг друга ребят, вот, что заставило их однажды, то есть 15 ноября 1931 г., собраться в Москве, в клубе КОР.

Там был полукруглый зал, рассчитанный как раз на двести пятьдесят человек. Делегаты заняли места.

И товарищ Фридман, председатель молодежной секции Автодора, открыл первое заседание слета.

Он говорил недолго и кончил дословно так:

— Я на этом заканчиваю и объявляю наш слет открытым.

Так в клубе КОР 15 ноября 1931 г. произошло историческое событие.

Так там началась всесоюзная борьба за хорошие дороги, за крепкие мосты и за мощное автомобильное хозяйство.

Автомобиль — это не только легкая, плавно разъезжающая по городу карета. Нет. Автомобиль это еще и трактор.

А для нас, может быть, это главным образом трактор.

Ведь трактор для нас сейчас нужен, как хлеб, которого у нас без него не будет или будет мало.

„Слет юных друзей Автодора, — сказал т. Глазов со Средней Волги, — дал большой толчок автодоровскому движению".

Это верно.

Верно, потому что перед всесоюзным слетом на местах были проведены районные и краевые слеты. Там ребята не только выбирали делегатов, но и проделали большую и нужную работу. Вот, например, на Урале ребята поставили вопрос о Доме Автодора. Они решили собрать с каждого района по пятьсот рублей и уже начали собирать деньги. Дом Автодора будет строиться в столице Урала, в городе Свердловске.

Это на Урале. А в Омске, в Сибири, ребята взяли шефство над гаражами города и там изучили и изучают сейчас моторы. Они знают, что для того чтобы ездить, нужно знать мотор. Нужно быть хозяином над ним. Ведь мы растем, и даже в Карелии, где в прошлом году было всего пятнадцать автомобилей, их сейчас уже двести. А к каждому автомобилю нужен умеющий с ним обращаться человек. Таких людей у нас пока немного, может быть, их даже меньше,

Делегаты слета осматривают детскую автомашину системы мех. Бурцева.

Модель бронемашины на выставке.

чем автомобилей. А в будущем году у нас будет двести тысяч автомобилей. Кто будет ими управлять? Этот вопрос касается всех и в городе и в деревне, потому что автомобиль полезен всюду. Даже там, где есть такие места, как, например, пески Кара-Кум или Кзын — места, где нет дорог, где на лошади не проедешь, а верблюды не согласуются с темпами нашей пятилетки, там на помощь приходит автомобиль, и только он.

„Пустыня Кара-Кум лежит пока нетронутая, и дело каждого юного автодоровца,— говорил т. Гюнусов из Туркменистана,— дело каждого юдовца бороться за хорошие пороги, за хорошие моторы".

Хорошие дороги необходимы еще и потому, что хлопок—ценнейшее сырье для текстильных фабрик — очень трудно перевозить по плохим дорогам. Но бороться нужно не на словах: не только на слете, а дома, на деле. А как бороться? Очень просто.

Отремонтировать (там, где уже есть дороги) пять или десять метров. Зимой хотя бы только посыпать дорогу песком, и от этого маленького дела будет большая польза. Очень большая. Колеса не будут буксовать и свободно будут вертеться, и автомобиль пойдет плавно и уверенно.

Так работают ребята Краснопресненского района в Москве.

Вот часть из них снята около мотора, который стоял в их техническом лагере и летом освещал лагерную территорию и ближайший колхоз. Они не просто ребята. Каждый из них может быть инструктором автодоровского дела. Они знают мотор так, как зачастую не знают его старые шоферы. Их работа — образцовая работа. И не даром их всех премировали шлемами и значками.

Т. Джаксуев — делегат слета и т. Фельдман — отв. секретарь Автодора.

Слет продолжался шесть дней. В Москву приехало двести пятьдесят человек.

У нас большая страна. У каждого делегата большие дела, большие вопросы. Завтра слет разлетится во все концы Союза.

Каждый участник повезет с собой автодоровскую литературу, которой у нас преступно мало, обычный шлем и значок.

В Казакстан возвратятся двадцать два человека. Они не должны были поехать. Казакстану было предоставлено по разверстке два места, но на слет приехало двадцать два человека — весь будущий актив. Завтра разлетятся в разные стороны шлемистые ребята, разлетятся, чтобы там на местах, в песках Кара-Кумы и Кзын, в лесах Карелии и в тайге Дальневосточного края прокладывать широкие автомобильные дороги.

Американцы говорят:

„Мы в Штатах катаемся на автомобилях, а вы в СССР, мы знаем, вы ездите на автодорах".

Правильно!

Мы ездим на автодорах, мы создаем хорошие дороги и строим автозаводы.

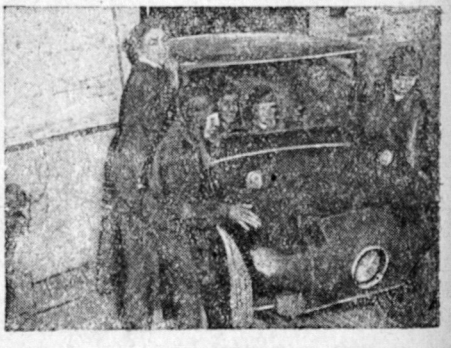
Работают: АМО, „КИМ", Нижегородский.

Советский автомобиль пойдет по хорошей дороге.

Это сделает Автодор.

Это сделают его юные друзья.

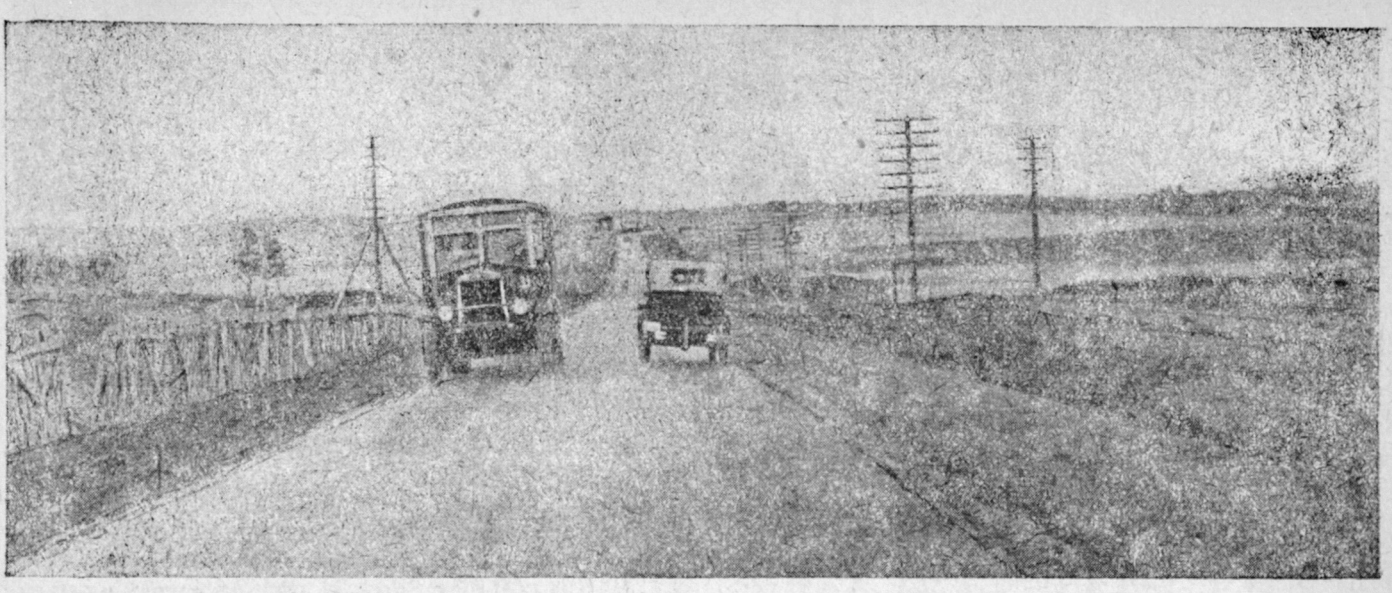
Автодоровцы делают модели машин для политехнической станции.



Автомобиль, полученный юными автодоровцами в премию от ЦС Автодора за хорошую работу кружка.

Делегаты из Алма-Аты.

Краснопресненские ребята-автодоровцы.



Асфальтированная дорога в Кунцево.

Отряд есть, а работы нет

Очерк деткора Щербакова

Рис. Б. Винокурова

(Каменевский промколхоз, б. Кимрского округа)

— Товарищ, а где тут у вас пионерский клуб?— спрашиваю я.

— Пионерский? — удивляется „туземец" и лукаво улыбается в бороду.— Не знаю. Клуб просто— туда дальше, а пионеров я что-то не видел.

Захожу в клуб. Пустота. Слышен только шелест плакатов и картин, раздуваемых ветром. Ни одна вещь, ни один лозунг не напоминают, что здесь обитают пионеры.

Наконец нахожу мальчугана пионерского возраста.

— Ты пионер?

— Пионер.

— А где вожатый?

— Вожатая? Не знаю.

— Ну ведь на сборах-то она у вас бывает?

— О-о-о... Я даже не помню, когда у нас был и сбор-то!

— Как это не помнишь? — уже с нетерпением спрашиваю его я.

— Да очень просто.

Ни работы никакой, ничего...

— Скажи, пожалуйста, хотя фамилию-то ее?

— Иванова, кажется...— ответил он.

Я облегченно вздохнула и направилась к Ивановой.

Принимают и сдают

После долгого хождения от клуба до правления колхоза и обратно мне все же удалось отыскать Иванову.

— Товарищ Иванова, ты—вожатая пионеротряда?

— Что ты, что ты! Я давно дела сдала Барановой.

Иду к Барановой.

— Ничего не знаю, Иванова — вожатая, я ее только дела принимаю...

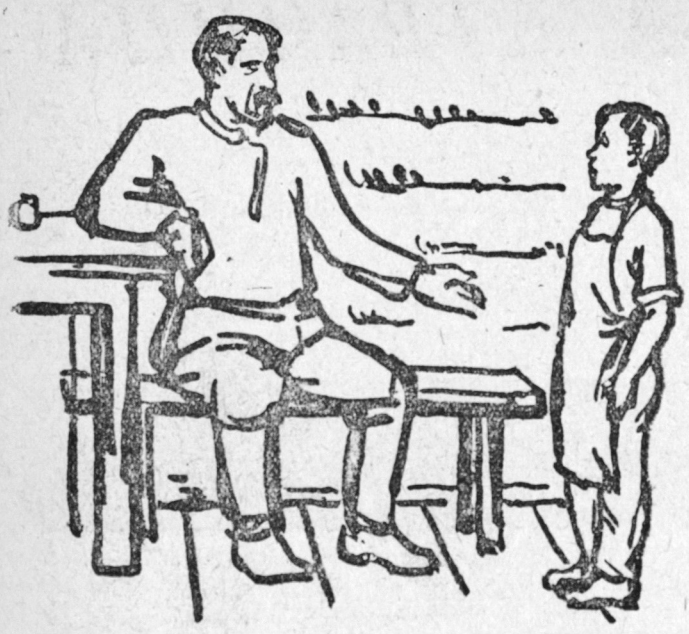
Интересно, что же думает райбюро пионеров и Каменевская ячейка?

— Нам пока не до пионеров,— говорит секретарь ячейки т. Смирнов.— Самим еще нужно перестраиваться и расти. Вот как...

А знает ли он, что комсомол пополняется за счет пионеров, что пионеры — смена комсомола? Если забыл, то не мешало бы ему прочитать законы юных пионеров.

Председатель, а не отряд

В небольшой накуренный кабинет председателя робко вошел мальчик лет тринадцати. Он был небольшого роста, в длинном брезентовом фартуке.



— А, это ты!.. — приветствовал его председатель.— Садись. Давай-ка с тобой поговорим...

— Я ни в чем не виноват,— прямо приступил к делу мальчуган.— Что за хулиганство меня обвиняют — это ерунда, выдумки... Что на заем не подписываюсь — мое дело.— И начал приводить причины: — Деньги зря пропадут. Выиграть ничего не выиграешь и т. д.

— Подожди же ты тараторить,— остановил его председатель.— Послушай-ка...

И он долго и красочно говорил о значении займа, о борьбе с хулиганством, о соцсоревновании и ударничестве.

Когда мальчонка вышел от председателя, то громко и весело кому-то бросил:

— Давно бы так сказали, а то подписывайся, а что заем за штука — не знаешь... Ну, озоровать... ни-ни...

Вывод

В отряде насчитывается 60 человек. Можно было бы завербовать и больше. Ребят много, так как есть две школы: ФЗУи ШКМ.

Хорошо шла работа в 1927/28 году.

Ну, а с тех пор ребята только „насчитываются“... „Бумажные“ пионеры забыли, как отдавать салют, что такое пионер... Полное опущение!

Среди шекаэмовцев процветает хулиганство, наблюдается плохое отношение к инструментам. Свои вечера ребята проводят в крике и драках под разноголосые звуки гармоники.

Работай отряд — не то бы было. Клуб большой, дел много.

Сейчас вот могли бы включиться с кружком безбожников в борьбу за закрытие церкви.

Большая доля вины падает на Каменевскую ячейку. Почему бы ей не помочь отряду встать на ноги?

Виноват и город. Давно бы пора Талдомскому райкому заглянуть в ближайшие колхозные отряды, а городским пионерам взять над ними шефство...

ОГИЗ
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“
КНИГОЦЕНТР

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

„УГОЛОК БЕЗБОЖНИКА“ № 3.

Ц. 4 р.

Альбом плакатов и таблиц для организации путем макетирования (вырезывания, сгибания и склеивания) в клубе, красном уголке, избе-читальне и т. д., выставки на темы: **„Безбожники и оборона страны“, „Строим подводную лодку воинствующего безбожника“** и др.

Продажа во всех отделениях и магазинах Книгоцентра и в „Кооп-книгах“.

Почтовые заказы направляйте—**Москва, 64, „Книга почтой“**. Книги высылаются только **наложенным платежом.**

ДЕТКОРОВСКАЯ СТРАНИЦА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Дорогая редакция!

Письмо ваше получили и проработали в штабе. Обещаем крепко держать знамя единства и сплоченности деткорбригады. В прошлом году, когда был районный деткоровский слет, то насчитывалось 6 деткордозоров и бригад, но нынче, к сожалению, они распались. И сейчас по всему пермскому району фактически существует и работает лишь одна наша деткорбригада. Работы много. Посылаем вам заметки и литературный материал, которым „страдает" наша бригада. Ждем ваших инструкций о дальнейшей работе.

С пионерприветом
штаб бригады:

А. Бычков, А. Сысолетин, Вл. Куколев.

Адрес штаба деткорбригады: г. Пермь, Большевистская ул., 2.

КУЛЬТОБСЛУЖИВАНИЯ НЕТ

Вздумаешь иногда куда-нибудь пойти, например, в кино. Посмотришь в газету, увидишь: кинотеатр „XVII МЮД", „Два мира", дети до 16 лет не допускаются. Куда пойти? В театре идет неинтересный для школьников материал. Так и не пойдешь никуда.

Пора бы обратить горсовету на это серьезное внимание! Он не выполнил наш наказ — дать пионерской организации г. Перми свой пионерский клуб, кино и детские утренники в гортеатре.

Бригада: **Бычков А., Сысолетин А., Куколев В.**

ПОМОГАЕМ РАБОТЕ БИБЛИОТЕКИ

Недавно при пермской Центральной библиотеке у нас организовался кружок „Друзей книги". Этот кружок помогает во всей повседневной работе библиотеки, т. е. в починке инвентаря (книг, журналов), подготовке к празднествам, рисовании и черчении плакатов.

В ноябре выпустили новый номер стенгазеты „За книгу". Газета хорошо оформлена художественным и литературным материалом, но, к сожалению, редакция забыла о политике. А это самое главное. Например, ни одной строчки нет о решениях ЦК ВКП (б) о школе. Многие ребята помогают библиотеке, жертвуя прочитанные старые книги и журналы. Недавно в библиотеку пришла партия тех книг, которые пока находятся в переплетной мастерской, но скоро выйдут.

Члены деткорбригады:

А. Бычков, А. Сысолетин

ОВЛАДЕВАЕМ ТЕХНИКОЙ

У нас в школе № 21 (Пермь) имеются кружки по техвоспитанию: технический (фото, радио, авиомоделизм), Автодора и военной техники. Каждый ученик школы обязан состоять в каком нибудь кружке. Для этого отведены особые часы. В группах есть бригады „За учебу". В октябрьские торжества премировали лучших ударников по школе. Почти вдвое увеличили ряды пионерорганизации.

Деткор А. Бычков

ШЕФСТВУЕМ НАД КОЛХОЗОМ

Пионеры Яренской ШКМ Северного края шефствуют над колхозом „Заря“. Каждый год шекаэмовцы проводят в нем по шести дней, а то и более.

При нашей помощи в колхозе засилосовали в срок силосную яму в 75 тонн. Следили за работой скотниц, как у них содержится скот. Изживали недостатки колхозников через стенгазету „Колхозник“.

После работы ставили спектакли и живые газеты.

Нашей работой остались довольны все колхозники, и говорят из этих шекаэмовцев выйдут хорошие строители социализма.

Деткор **Ваня Лукашников**

ПОМОГАЕМ ВЫПОЛНИТЬ

Яренская ШКМ (Северный край) помогает выполнить план лесозаготовок (700 тыс. куб. м леса), а также проверяет выполнение сбора молока по контрактации.

Каждый день мы, школьники, проверяем рабочую силу, выходящую на лесозаготовки. О причинах невыхода на работу сообщаем в сельсовет.

Часто беседуем с населением о значении лесозаготовок, и нам удается привлекать его к работе. Общими усилиями мы выполняем поставленный перед нами план.

В лесу кипит у нас культурная работа: мы, шекамята, выпускаем стенгазеты, ставим живые газеты; лесорубы во время обеда читают газеты, играют в шашки.

Так же живо проходит работа по сбору молока: мы следим за правильной и точной сдачей молока, ведем разъяснительную работу среди колхозниц и единоличниц.

Мы, шекамята, обязуемся крепко держаться за начатое дело и вместе с рабочими добиваться выполнения промфинплана.

Деткор **Ваня Лукашенков**

ОТСТАЕТ НАША ШКОЛА

У нас в школе все группы разделены на бригады, каждая бригада имеет свой маршрут. Маршрутов много: за культурную доску, за общественное питание, за поднятие дисциплины, за учебу, за борьбу с прогулами и т. д.

Каждый бригадир отвечает за свою бригаду, но и вся бригада в целом отвечает за себя: если один из бригады не выполнит задания, бригада его подтягивает или несет за него ответственность перед учкомом.

С тех пор как мы разделились на бригады, у нас значительно подтянулось качество проработки предметов. Как-то все подтянулись — не хочется, чтобы вся бригада отвечала за одного, и потому стараемся сдать зачеты во-время и хорошо. Так же и с дисциплиной и с прогулами.

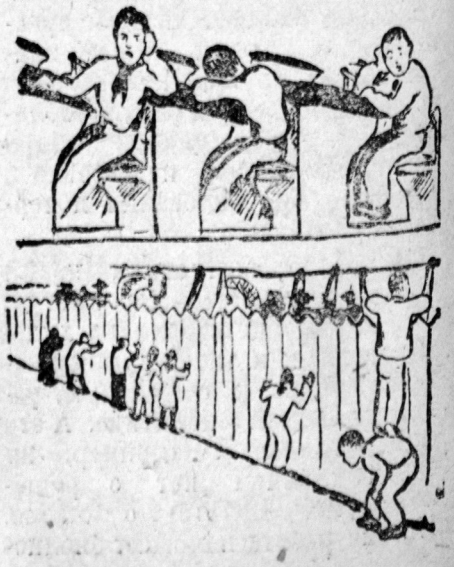
Но все же у нас не все благополучно. Плохо проводится культурная работа во время перемен, не организованы массовые игры, беседы, и потому шум во время перемены и беготня все еще, как прежде.

Плохо, что долго наша школа не налаживает связи с прикреплением к производству.

Прежде мы были прикреплены к Мельстрою и прошлый учебный год работали там, и теперь Мельстрой включился в подготовку 518, и, видимо, мы там будем мешать в срок дать машины для нового хлебозавода, и нас туда не пускают.

Так что нашу школу сейчас считать политехнической нельзя. Отстает наша школа от постановления ЦК.

Деткор **К—ва**



КОНКУРС ЛОЗУНГОВ

Долой с заводов!
и пашен
Темпы черепашьи!

Деткор И. Гегузин

Пусть строят кулаки
уловки,
Поможем хлебозаго-
товкам!

Деткор Х. Залкинд

Чтоб пятилетку
в четыре построить,
Не делай брака,
прогулов, простоев.

Деткор Стефаров

Для тех лишь уравниловка,
Кому работать лень.
Мы против уравниловки—
Мы за трудодень.

Деткор И. Гегузин

Не жужжите, рвачи,
шмелиным роем:
Мол, хлеба нет, мяса нет...
Ерунда!
Поучились бы лучше
работать у героев
Ордена Ленина и труда.

Деткор Горяинов

Утиль поможет
стройке нашей
Воздвигнуть тысячи
сельмашей.

Деткор И. Гегузин

Конкурс лозунгов пришел к концу. Сегодня мы вкратце подытоживаем результаты конкурса и печатаем фамилии тех, кто прислал лучшие лозунги и получает премию.

К стихотворному лозунгу предъявляется большое требование: он должен быть политически четким: в двух или четырех строчках должна быть выражена определенная мысль, должен быть дан призыв. Этот призыв будет звучать убедительно только тогда, когда техника лозунга стоит высоко.

На конкурс было прислано много лозунгов, лучшие из них печатались, премий за лозунги 4.

Первая премия — набор книг по выбору премированного на 40 руб.

Вторая премия — набор книг по выбору на 20 руб.

Третья премия — набор книг по выбору, на 15 руб.

Четвертых премий четыре: годовая подписка на журнал „Пионер" на 1932 год.

1-я премия присуждена деткору Ник. ЧИГИПОВУ (Мелитополь).

2-я премия — деткору И. ГЕГУЗИНУ (Ростов-Дон).

3-я премия — бывшему деткору Г. Литваку (Харьков).

4-я премия — деткорам: ГЕУХЕРОВУ (Ростов-Дон), **СТЕФАРОВУ (Вязьма), ГОРЯИНОВУ** (Донбасс), **ЗАЛКИНД** (Лебедянь). Эти деткоры будут получать бесплатно наш журнал.

Конкурс лозунгов закончен. Но это не значит, что не надо больше присылать лозунги в редакцию.

Присылайте, мы поможем вам научиться лучше писать их, а лучшие напечатаем.

Нашим заводам и нашим
колхозам
Марш напиши
и четкий лозунг!

Г. Литвак

Кто там в болото
религий вгруз?
Смело ответь на вопрос.
Наш многомиллионный
безбожный союз
Имеет высокий рост.

Деткор Цигилов

Кончается время
„расейских" дрог,
Властно грохочет быль.
Дай, страна, для
степных дорог
Советский автомобиль!

Деткор Цигилов

Четырнадцать
Дружных славных лет
Как слава о нас
звучит,
Красной армии побед
Книгу нужно изучить.

Деткор Турчинов

Сирен пятилетки
крепчает гуд,
Растут города,
вырастают области,
На мачтах построек
становится труд
Делом геройства,
чести и доблести.

Я. Хеломокий,

ЮНЫЙ ШАХМАТИСТ

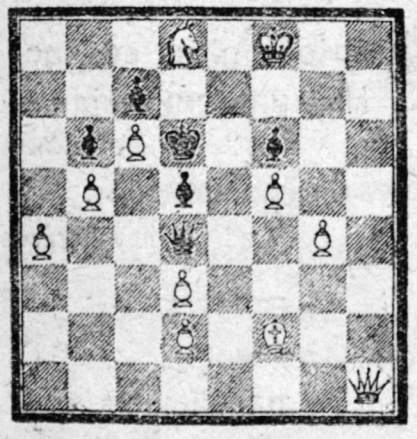
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Л. ГУГЕЛЯ

КТО РЕШИТ?

Фамилии читателей, приславших правильные решения этих задач, будут напечатаны.

Задача № 20
Н. Воробьева (Ленинград)

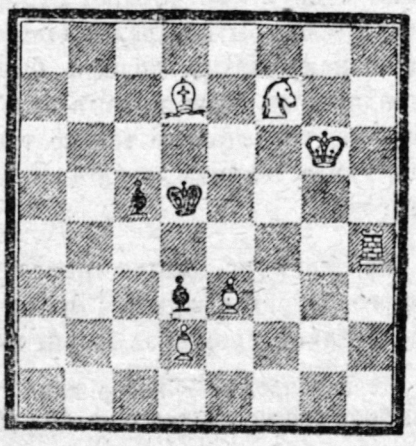
(Печатается впервые)



МАТ В ДВА ХОДА

Задача № 21
Н. Иванова (Ногинск)

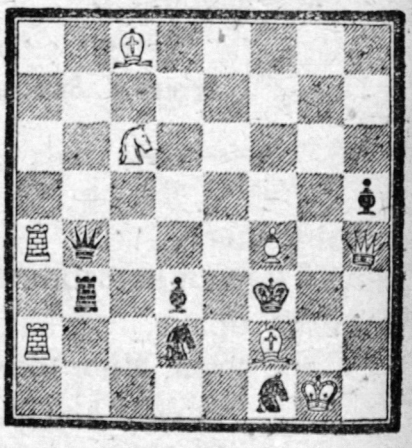
(Печатается впервые)



МАТ В ДВА ХОДА

Задача № 22
Я. Каменецкого (Минск)

(Печатается впервые)



МАТ В ДВА ХОДА

ПОБЕДА МОЛОДЕЖИ

„Кто по вашему мнению выйдет победителем в турнире на первенство СССР по шахматам?"

Такой вопрос задали перед открытием VII всесоюзного шахматно-шашечного съезда одному из известнейших советских шахматистов.

— Молодежь,— не задумываясь, ответил он.

Он не ошибся. Победителем закончившегося турнира на первенство СССР вышла молодежь. Двадцатилетний ленинградский комсомолец Ботвинник занял первое место и получил звание сильнейшего шахматиста Советского союза. На второе место вышел москвич Рюмин, который не на много старше Ботвинника. В числе получивших звание мастера — белорусский комсомолец Мазель, которому исполнилось лишь 19 лет.

Молодежь показала, что победы ее за последние годы — не случайное явление. Ответственнейший и серьезнейший экзамен, которым явилось одно из главнейших соревнований закончившегося недавно шахматно-шашечного съезда, молодежью блестяще выдержан.

„Больше внимания молодежи,— сказал VII всесоюзный съезд шахматистов и шашистов.— Организовать при всех Отделах народного образования шахсекции, помочь работе шахматно-шашечных кружков в школах и отрядах", вот что предложил съезд сделать в наискорейшее время всем руководящим шахматно-шашечным организациям.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

За пять лет (рассказ) — ЛАВРОВА

Конец Швамбрании — КАССИЛЬ

Колыбель городов — ЕГО ЖЕ

Американцы говорят — (очерк) — РАХТАНОВА

Советский флаг на Янцзы — (очерк) — ЛЕБЕДЕВА

Урал пятилеток (стихотворение) — ГАЛКИН

Дай качество — (стихотворение) — С. ИСАЕВА

Деткоровский материал

Шахматы

Обложка В. КОНСТАНТИНОВА

Художественное оформление номера Б. МЯСИНА

№ 7 -5667

ЛИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ — ЮНЫЕ БЕЗБОЖНИКИ

Каждый пионер, каждый школьник должен знать конкретные факты и примеры контрреволюционной работы представителей религии, как орудия классового врага, прячущего под маской святости, за крестом и молитвой, свое вредительство против пятилетки в 4 года, против социалистического переустройства деревни, против культурной революции, против коммунистического воспитания подрастающего поколения.

Каждый пионер, каждый школьник должен знать опыт наиболее передовых пионеротрядов, школьных ячеек СВБ и групп ЮВБ, чтобы перенести этот опыт в свой отряд, в свою школу. Юный безбожник должен уметь вести бой за социализм против религии.

Необходимо также передать наш опыт борьбы на антирелигиозном фронте нашим товарищам за рубежом, где только еще крепнет и ширится массовое детское безбожное движение.

Юные безбожники должны повести борьбу за интернациональное воспитание за укрепление чувств международной классовой солидарности, за единство мирового революционного движения.

Все это показывает, всему этому учит журнал „Юные безбожники".

Журнал „Юные безбожники" помогает пионерам и школьникам в школе и в семье. В специальных отделах журнал „Юные безбожники" дает литературно-художественный материал, в котором печатаются рассказы, стихи, инсценировки, песни, частушки, дает игры, викторины, программы вечеров, оформление демонстраций, показ химических опытов и т. д.

Пионеры и школьники, распространяйте журнал „Юные безбожники" в ваших школах, втягивайте своих товарищей в работу журнала, в активную работу по борьбе с религией, помните, что вы должны стать безбожкорами журнала.

Юные безбожники, не забывайте о „крестовом походе" и боритесь против злейшего врага—религии.

Цена 30 коп.

56918

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б)

СЕКТОР „КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА“

ПИОНЕРСКИЙ И ШКОЛЬНЫЙ АКТИВ ЧИТАЕТ СВОЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

„ВОЖАК“

„ВОЖАК“
организует участие миллионов пролетарских ребят на важнейших участках пятилетки.

„ВОЖАК“
вооружает пионерский и школьный актив на борьбу за политехническую школу, за всеобуч, за вовлечение всех детей в социалистическую стройку.

„ВОЖАК“
лучший помощник вожатого звена, члена учкома, всякого активиста в его повседневной работе.

„ВОЖАК“
рассказывает о лучшем опыте военной, интернациональной, безбожной работы.

„ВОЖАК“
дает интересные материалы для работы юных механиков, затейников, фото-, радио-любителей.

В 1932 году „Вожак“ будет проводить заочные курсы механиков.

Значительно будет расширен технический отдел.

К работе журнала привлекаются квалифицированные журналисты, писатели и поэты.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 мес.— 15 к.
На 3 мес.— 45 к.
На 6 мес.— 90 к.
На 12 мес.— 1 р. 80 к.

Цена отдельного номера 8 коп

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ НА ПОЧТЕ, ПИСЬМОНОСЦАМИ И ПИКЕТЧИКАМИ „ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ“ ПРИ ШКОЛАХ И ОТРЯДАХ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Рукопись сдана в набор 27/XI—31 г., подписана в печать 15/XII—31 г., IV квартал. Техред. М. Гуревич.

Уполн. главлита Б—14332. З. Т. 2693 М. Г. 2904. 51.500 зн. в п. л. 3½ п. л. ⅛ доля Тираж 31.165

Отпеч. в 7-й тип. „Искра революции“ Мособлполиграфа, Москва, Арбат, Филипповский пер., 13. Стат. А4—210 × 297 мм